

НАЗЫВАЙ МЕНЯ ЕВА

АЛЕКС ФРАЙТ

Алекс Фрайт

Называй меня Ева

«Издательские решения»

Фрайт А.

Называй меня Ева / А. Фрайт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904436-5

Контрразведка никогда не ставила перед ней задачу — решать головоломки. Она всегда была идеальным исполнителем, и ее подключали на тех этапах операции, когда уже не до выбора верного варианта, когда наступает форс-мажор и другие потерпели поражение. Но едва она приступает к своей части работы, как сталкивается с профессионалом, который подготовлен намного лучше ее.

ISBN 978-5-44-904436-5

© Фрайт А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	15
4	20
5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Называй меня Ева

Алекс Фрайт

© Алекс Фрайт, 2018

ISBN 978-5-4490-4436-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

С неба сеялась холодная морось. За стеклом, в двух шагах от сирийца Латифа редкие прохожие, подняв воротники и надвинув шляпы поглубже на уши, появлялись и растворялись в полутумане-полудожде. Он отвел взгляд от окна и машинально потрогал толстый конверт перед собой. Затем поднял голову, непонимающе посмотрел на мужчину в строгом костюме под распахнутым плащом, хмыкнул и в задумчивости почесал затылок. То, что случилось сейчас, нигде и никаким образом не было оговорено в их прошлую встречу.

– Может, все-таки ошиблись?

Мужчина поднял бокал с вином, сделал глоток и посмотрел на него поверх края стекла.

– Бывает. Может, не совсем внятно прозвучало ваше требование?

– Нет...

В ошибку со своей стороны Латифу верилось с трудом. Рука нырнула в карман за мобильным телефоном, но на полпути остановилась.

– Я жду, – сказал человек с бокалом.

– Сколько в нем? – внезапно осипшим голосом произнес он.

– Я ведь здесь далеко не в первый раз. Служба, знаете ли, – заметил мужчина как-то невпопад.

Он тяжело вздохнул и поставил на стол свое вино. Латиф подозрительно покосился на его руки. Отметил след от обручального кольца, старый шрам в виде полумесяца возле ногтя большого пальца правой руки, дорогие часы. А ведь и правда, этого человека он тоже видит тут не во второй раз.

– При чем здесь это? – спросил он.

Собеседник постучал пальцами по столешнице, взглянул на часы и поправил галстук. Безусловно, он торопился, но старался этого не показывать явно: время от времени бросал косые взгляды в сторону двери.

– Да вот, знаете... В отпуск собираюсь, замену готовлю. Сотрудник приехал молодой, неопытный. Все надо по два раза объяснять... Вам тоже?

– Прошу прощения. Еще пара минут, и все будет решено, – Латиф скорчил виноватую гримасу, подергал бородку и произнес: – Небольшие формальности.

– Какие формальности?

– Ваш заказ. Не волнуйтесь. Подобных на моем счету не один десяток. Я так зарабатываю на жизнь. Безбедную, хочу заметить, жизнь.

Он помял конверт и попытался наощупь определить сумму – навскидку пакет был чувствительно толще, чем должен быть. Мужчина удивленно поднял брови.

– Здесь ровно в два раза больше. Что вы его все время тискаете?

– Беспокоюсь.

– От чего?

– Почему сумма выросла вдвое?

– Аванс для будущего сотрудничества.

Сириец кивнул и продолжал сидеть, мрачно поглаживая конверт. Чувство благодарности не тронуло ни одну черточку на его смуглом лице. Казалось, он считал неожиданную благотворительность таким привычным делом, словно ему всегда предлагали больше, чем он стоит на самом деле.

– Вы хитрец, а я тут подумал... Заранее вносите коррективы, так как ситуация для вас сложная и вышла из-под контроля... Курьеры...

Он подался вперед над столом, скривил губы на одну сторону и процедил:

– Знаете, люди Гензера всегда вооружены. Даже, когда доставки нет.

– Мне перестал нравиться наш разговор. Мы обсуждаем второй раз одно и то же разными словами. Давайте займемся каждый своим делом. Оружие – это помеха?

Сидящий напротив мужчины говорил спокойно, но Латиф заметил, что тот начал нервничать. Он откинулся на спинку стула.

– Нет, конечно.

– Тогда, что вам не нравится?

– Жду.

Мужчина хлопнул ладонью по столу, стараясь незаметно бросить взгляд на часы.

– Чего же?

– Помощника.

– Вы говорили, что работаете один.

– Как вы себе это представляете? – сириец ткнул пальцем в мокрое стекло.

– Согласен, – пробурчал собеседник, пытаясь разглядеть в водяном тумане огни светофора на перекрестке. – В такую погоду... Даже не нахожу слов, чтобы в полной мере отразить те чувства, что переполняют меня, когда я вижу дождь в этом городе.

– Этот город давно сгнил, – неожиданно не к месту сказал Латиф и встал.

Он сгреб конверт со стола и, пятясь как рак, двинулся к дверям. Оказавшись на улице выключил запись на мобильнике. Неторопливо подошел к фургону с рекламой женской косметики через весь борт. Обойдя его вокруг, внимательно осмотрел машину и постучал ногой по колесам. Затем забрался на водительское сидение, закрепил в подставке телефон, завел двигатель, включил радио и принялся ждать.

Спустя двадцать минут дисплей перед ним ожил, моргнул и начал транслировать видео – один из его людей сопровождал цель на небольшом расстоянии сзади. Латиф сделал звук тише, глубоко вдохнул, шепнул себе под нос пару успокаивающих фраз, дернул переключатель скоростей и надавил на акселератор, разгоняясь на скользкой дороге. Через несколько секунд, не отрывая взгляда от дисплея телефона, он вдавил педаль газа до упора, вылетел к перекрестку на красный и выкрутил руль. Фургон подпрыгнул колесом на бордюре, снес светофор и сбил девушку, шагнувшую с тротуара перед ним. В боковом стекле мелькнул мужчина с футляром от тромбона. И этот музыкант, который остановился за метр до мостовой и достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, неожиданно отбросил их в сторону, одним резким движением распахнул футляр и выхватил автомат. Неприметный человек сзади, державший мобильник наготове и направивший камеру на жертву, и который уже метров двести шел за ним следом, получил очередь в живот. Остальные две дюжины пуль изрешетили кабину фургона и тот на двух колесах влетел в переулок, заваливаясь набок.

Латиф, чудом выпрыгнувший из машины за долю секунды до автоматной очереди, тяжело поднялся и заковылял в темноту. Втягивая широко открытым ртом сырой воздух, он держался за стены и стонал от напряжения, стараясь ускорить шаг и раствориться среди хаотичной застройки старого квартала. Он не имел понятия, кем была заказанная девушка, да и знать о ней ничего не хотел. Единственным чувством, которое он сейчас испытывал был страх – он все время ожидал, что за спиной раздастся топот, распахнется футляр и прогремит сухая, как стук гороха, очередь. Но пробираясь мимо мрачных стен почти на четвереньках, сириец и представить себе не мог, что своими руками выковал первое звено из цепи грядущих жутких событий, и что с этой секунды не только его существование превратится в кошмар – жизнь для многих станет адом.

2

Капитан Козлов открыл дверь через пару секунд после длинного звонка. Открыл, не задумываясь о том, кто же может находиться за ней на лестничной площадке. Просто щелкнул замком и толкнул ее от себя. Женщина. Молодая. Середина ночи, а она стоит прямо перед ним, протянув руку к пуговке звонка. Улыбается. Мягко. Нежно. Он даже поспешно посторонился, когда она шагнула через порог, внеся с собой в маленькую прихожую облако безумного аромата. От этого едва уловимого запаха у него дрогнули колени, а она неторопливо прошла дальше в комнату, оставляя глубокие вмятины каблучками-гвоздиками в ковровой дорожке. Он потрясенно посмотрел ей вслед, и совершенно неожиданно для себя вспомнил бывшую сокурсницу Марину, всегда смотревшую на него с презрением – красивая шлюха, но доступная только обладателям тугих кошельков.

– Ну, что же вы, капитан, – голос у неожиданной гостьи был не менее чарующим, чем лицо. – Предложите мне сесть, или мебелью стоять оставите?

Неожиданно она подняла руки вверх, вытянувшись, задвигала коленями, бедрами, локтями, и исполнила что-то сродни восточному танцу или спародировала березку на ветру.

– М-да, – вздохнула она, скосив на него темный глаз из-под пушистых ресниц. – Считайте, капитан, что у вас появилось живое дерево. Только, чур, нужду на него не справлять. Вы любите ролевые игры?

Он изумленно таращился на нее, не в силах сдвинуться с места. Мягко говоря, в подобных развлечениях Козлов был патологическим неудачником, как для самого себя, так и для любой компании, имевшей неосторожность пригласить его к себе, хотя это и случилось всего один раз. Еще со студенческих лет он смирился со своей ущербностью с точки зрения веселых вечеринок с красивыми девушками, напроочь отлученный всевозможными военными комиссиями от армии из-за серьезных проблем с сердцем. Вдобавок и мужественная привлекательность обошла его стороной по вине родителей, и по совокупности всех факторов вниманием противоположного пола он был катастрофически обделен, даже получив офицерские погоны в особо засекреченной государственной структуре. И если бы сейчас Козлов попытался вспомнить, сколько у него было женщин за три десятка лет взрослой жизни, и начал бы загибать пальцы, то они бы так и остались растопыренными. Капитан всегда был одинок, и наслаждение испытывал не телом – мозгом. Он был аналитиком, он был серьезен, у него было больное сердце и ему было не до шуток.

Кадык дернулся туда-сюда. Он просипел что-то невнятное и получил удар кулаком в спину. На пороге появились еще двое. Высокие, крепкие, с квадратными подбородками, мерзким прищуром и в одинаковых кожаных куртках. «Как шкафы-близнецы», – глупо отметил он.

– Проходи, – буркнул первый, – не стой в дверях.

– Будь, как дома, – скривился второй и толкнул его в плечо. – Давай, шевелись. Нельзя заставлять даму ждать.

Они подхватили его под локти, намертво сдавили между железными буграми мышц и буквально внесли в комнату, попутно захлопнув дверь. Один из мужчин подошел к окну, закрыв широкими плечами едва ли не весь проем. Второй тихо сказал девушке:

– Долго он не протянет.

Сухой, как шелест октябрьских листьев, вкрадчивый голос показался Козлову оглушительным раскатом грома.

– Отлично, – она поманила его пальцем. – Эй, капитан.

– Кто... – проблеял он, потерев редкую бородку, откашлялся и рывкнул: – Пошли вон!

– Генерал Кужель, – сказала она. – Дело срочное.

Он бросил быстрый взгляд исподлобья мимо нее на спину этого мужчины и на его давно нестриженный затылок, поросший коротким рыжеватым волосом. Выдохнул.

– Что случилось?

– Документы, которые он передал. Немедленно.

– Ясно...

Он смотрел в пол, молчал, избегая даже на долю секунды встретиться с ее испытующим взглядом, и нервно сжимал мгновенно вспотевшие ладони. Неожиданные гости, кем бы они не были, явно пришли не от Кужеля. И женщина этого скрывать не собиралась.

– Ясно что? – спросила она. – Только не говори, что ты забыл, где их держишь. Мне это не понравится.

Мужчина у окна повернулся и дернул уголок губ. Затем медленно направился к нему, словно неся через комнату свой мощный каркас из мышц. Жесткое, как боксерский кулак, лицо искривилось, пошло морщинами, глаза зажглись недобрым огнем, а губы превратились в тонкую линию. Он сунул под нос капитану раскрытые корочки удостоверения, а женщина устроилась на диване, закинула ногу на ногу и заученным жестом поправила стрелки на юбке. Она ждала реакции Козлова.

– Здравия желаю, – кивнул тот. – Не видел вас раньше.

– Вот и познакомились, – она насмешливо сморщила нос и прикрикнула: – Давай, капитан, шевелись. У тебя две минуты.

– Не понял...

Он поперхнулся в ответ на окрик и вдруг осознал, что у гостыи изменилось лицо. Мягкие линии скул затвердели, закаменел подбородок, сузились глаза и все черты ее яркой внешности внезапно стали резкими тенями, будто и сам мир вокруг стал черно-белым. Вместо летних ароматов девичьей кожи на капитана дохнуло холодом промозглой осени. Он помимо воли вздрогнул и беспомощно оглянулся на дверь спальни. Этот короткий взгляд был тут же перехвачен и распознан. Однако все четверо в комнате молчали и не двигались с места.

– Не люблю тишину, – внезапно громко сказала она, – и не люблю ждать до бесконечности. Две минуты прошли. Пришпорьте его.

Козлова вновь подхватили под локти крепкие ладони. Открыли его головой дверь, поставили у шкафа, повернули из стороны в сторону, подождали некоторое время перед встроеным в стену крохотным сейфом и приволокли обратно.

– Зря ты упираешься, – она повозила подошвой сверкающего лаком сапога по давно не мытому полу.

Предательски затряслась нижняя губа. Капитану нестерпимо захотелось поверить, что не от страха, а от абсурдности происходящего. У него уже было такое ощущение однажды – лет тридцать назад, еще мальчишкой, он с друзьями забрался в строящийся дом. Удирать от проснувшегося сторожа пришлось по лестнице из окна второго этажа; и вроде высота была смешной, но он, почувствовал, как дрогнула, соскользнула нога с мокрой перекладины, и ощутил эту дрожь не страхом, а осознанием неизбежности падения... Тогда он отделался переломом ключицы.... Сегодня этаж был не в пример выше, а лестницу кто-то убрал...

Козлов сжал зубы. Он по-прежнему не мог поверить в происходящее. Этого с ним просто не могло случиться. С кем-нибудь другим. С кем угодно, но только не с ним.

Женщина вздохнула.

– Партизан?

Лицо Козлова пошло пятнами.

– В отличии от вас, я слышал о присяге.

Она улыбнулась, изящным движением смахнула со лба прядь волос, встала с дивана и щелкнула пальцами.

– Прочитать, связать и ждать.

Полковник Хижук переступил порог. На долю секунды застыл, будто врезавшись лбом в невидимую стену. Потом брезгливо скривился от запаха, прошел прямо в центр комнаты и кинул оценивающий взгляд на опухшее лицо Козлова. Он никогда раньше не встречался с ним. Слышал о его феномене аналитика, но никак не предполагал, что поцелованный богом в темечко сотрудник секретной службы может выглядеть и благоухать столь мерзко. «Вот так офицер?! Как же он до капитана-то дотянул?», – его брови удивленно поползли вверх.

– Докладывай, Аста, – сказал он и подул в сжатые кулаки, будто вошел с мороза.

– Молчун попался, – женщина пожала плечами. – Решила подождать с настоящей обработкой.

– Простите...

Капитан запнулся языком, делая попытку вытянуться навстречу. Диван облегченно скрипнул пружинами, освобождаясь от тяжести, но узел на веревке был затянута на совесть и его дернуло назад.

– Окно откройте! – раздраженно приказал Хижук. – Мышь здесь что ли сдохла?

Один из мужчин вразвалку протопал к окну, повернул ручку на раме и холодный воздух хлынул в комнату. Второй положил тяжелую ладонь Козлову на плечо, вдавливая его задом пружины обратно до пола. Женщина накручивала на палец прядь волос и задумчиво рассматривала на стене зашевелившиеся от сквозняка глянцево-страницы из эротических журналов.

Капитан виновато уставился на очередного гостя. А тот осторожно присел на краешек стула, вновь поморщился и достал из кармана футляр с очками. Козлов, кряхтя и постанывая, не сводил с него полного надежды взгляда. Хижука он знал: как-то видел в управлении, пусть и издали, но для его цепкой памяти этого было достаточно, чтобы узнать того и без мундира. Он даже почувствовал стыд за свою подпорченную костоломами физиономию и грязную одежду. В сравнение с молодым и подтянутым полковником он выглядел уродливым, расплывшимся от жары куском заплесневелого сыра.

– Показывай, – проворчал Хижук, поворачиваясь к нему. – Все, что приказал обработать Кужель. Все доставай и показывай. Все, что есть!

– Простите... – вновь пролепетал Козлов. – Что?

Тот провел жестким взглядом по жирному телу капитана сверху вниз и уставился на сальные пятна, сплошь покрывающие растянутый на свисающем брюхе свитер. Выражение его мрачного лица не предвещало ничего светлого для будущего Козлова: брезгливость уступила место недоумению, затем в глазах появилась отстраненность. Всем своим скучающим видом он демонстрировал, что не понимает, каким образом оказался в этой комнате, и что ничего важнее и интереснее, чем огромные складки живота под шерстью грубой вязки, для него здесь не существует. Потом он аккуратно заправил дужки от очков за уши и кивнул.

Резкий удар в затылок сбросил Козлова с дивана. Однако, упасть не позволила веревка. Тяжелый кулак первого мужчины, шагнувшего от окна, поймал его подбородок в воздухе, заставил выпрямиться, а следующий удар, последовавший мгновенно, заставил проглотить выбитый зуб и вновь усадил обратно. Он даже не успел понять, что произошло, как тот уселся на его бедра и сгреб в кулак ворот свитера. Следом капитана накрыла волна боли, кольнула в животе, растекаясь от печени до мошонки, и рванулась криком наружу. Однако завопить не удалось – рот оказался наполовину забит плотной шерстью. Второй нахлобучил ему на голову пластиковый мешок, и он еще успел увидеть перед собой пару абсолютно пустых глаз прежде, чем первый принялся вбивать ему в живот свой кулак так, точно хотел прощупать позвоночник. Одновременно с ним второй опускал свою кувалду на его темя. Били его жестоко и профессионально, с короткими паузами приоткрывая мешок, давая возможность вдохнуть после каждого удара. Козлов молчал – первый же удар в живот сбил дыхание, и он мог только тихо стонать, ловя широко раскрытым ртом воздух через свитер. Потом захрипел и обмяк.

Очнулся Козлов от струи холодной воды, вылитой сверху. Раздвинул слипшиеся ресницы на одном глазу, моргнул – второй глаз так и остался в темноте. Всхлипнул, втягивая изувеченным ртом воду с кровью, и закашлялся – на колени брызнула красная слюна. Нос не дышит – сломан и забит сгустками крови. Что с глазом? Или его – как нос?! Медленно повернул голову в одну сторону, во вторую. Перед ним колыхалась муть, словно мешок с головы и не снимали. Ощупал языком обломки передних зубов. Вокруг был хаос. Не такой бардак, как был здесь всегда, а настоящий, с разбросанными вещами, сорванными обоями, отодвинутой мебелью и распахнутой дверцей сейфа. Взгляд никак не мог сконцентрироваться на чем-то одном – все расплывалось, двоилось. Наконец, он сумел заставить себя увидеть Хижук. Тот стоял посреди комнаты, сдвинул очки на кончик носа и просматривал стопку отпечатанных листов и фотографий. Кривился, почесывая ногтем лоб. Костоломы неподвижно застыли в метре с обеих сторон. По полу растекалась розовая лужа. Женщина читала книгу, прислонившись плечом к стене. Его книгу. Он смутно видел зеленую линейку закладки между страниц – не любил загнутые уголки. Детектив. Других он не покупал.

– Зачем? – прохрипел он. – Зачем было так бить?

– После такой обработки вы еще неплохо шевелите языком, – Хижук вяло похлопал в ладоши, изобразив жидкие аплодисменты. – Но дело не в этом.

– А в чем? В тридцать седьмом? Будете продолжать выбивать из меня неизвестно что? Но в этом случае вы меня просто убьете. Думаю, именно этим и кончится.

Полковник шагнул к нему.

– Я задал вопрос. Помните?

– Нет.

Хижук отмахнулся: не надо, мол, ахинею нести. В найденных в сейфе документах и ворохе фотографий для него ничего не было. Он свел вместе брови. Затем отступил на шаг, сложил руки на груди и всем своим видом показал, как ему до смерти все тут надоело.

– Не заговаривайте мне зубы. Время идет.

– Многие думают, что время придет, но оно только уходит.

Полковник сдавил тонкую пачку листов в кулаке и выразительно хлопнул в ладонь второй руки. Затем рубанул ладонью воздух.

– В одном я согласен в принципе – всему приходит время. И сегодня для одного умного человека пришло время поделиться некой информацией с Ближнего Востока и благополучно о ней забыть. Вы же умный?

– Сирийский сувенир... – в уголках рта капитана запузырилась кровь.

Сухой и короткий ответ щелкнул кнутом.

– Так точно!

– В порошок... вас... Кужель...

– Вот как?

Хижук с ненавистью взглянул на вонючего без всяких метафор Козлова. Покраснел, наливаясь злобой.

– Поскольку вы оказались не слишком сговорчивым и абсолютно не желаете сотрудничать – придется повторить.

Сейчас он не испытывал к капитану презрения – затопившее его с головой чувство было сродни поражению. Он набычился, а капитан хоть и в мыслях, но попытался стать такой же точкой, в которую сейчас превратились зрачки полковника за стеклами очков.

– Скажите, почему вы так боитесь меня?

Козлов смотрел на него одноглазым волком. По подбородку текла кровь. Капала на грудь с редкой бородки. Он косился то на Хижука, то на плечистых мужчин, то на девушку, которая невозмутимо продолжала читать, и не делал никаких попыток ответить.

– Понимаю, с рваным языком много не наговоришь. Но можно просто кивнуть. А чтобы кивать было легче, мы простимулируем вас разогретым утюгом. Идет?

– Не надо...

Он не был физически крепким с младенчества, и пусть выделялся крупным телосложением, но выглядел рыхлым, хрупким и болезненным. Даже, когда он подхватывал простуду, то страдал от инфекции долго и мучительно, и процесс длительного физического воздействия кулаками вряд ли бы перенес. Никто и никогда не нападал на него в собственной квартире. Никто и никогда не вел с ним бесед «а-ля стоматолог». Никто и никогда не поливал ему проломленную голову водой из кастрюли. Плюс сердце, которое только тронь – свалится в штопор.

Полковнику ничего не было известно о клапанах его преждевременно изношенного органа, натужно балансирующего на грани возможностей – он об этом ничего не слышал и слышать не хотел. Беспечно бросив под ноги смятую бумагу, придвинулся ближе.

– Но для начала, – он поправил заколку галстука и прошипел, – так сказать, аперитив – вы мне обязательно скажете, где эти документы.

– Я постараюсь... напомните...

Полковник подозрительно покосился на него.

– Это обычная казенная папка. В ней должно быть фото. Скорее всего, на первой странице. Или, в крайнем случае, на второй. Это фото – гарантия подлинности. Оно в ней есть?

– Что на нем? – Козлов как мог оттягивал второй этап обработки.

– Молодая женщина.

– Она?

Капитан с трудом поднял веко выше и посмотрел на Асту. Та поймала этот взгляд, захлопнула книгу и уставилась в затылок полковника. Хижук растянул губы в злой гримасе, дернул плечом, ткнул пальцем в нее, потом в грудь Козлову.

– Хорошо, я напомним еще раз.

Он вытер палец от крови о его свитер и принялся раздраженно размахивать рукой.

– Возьмем эту красотку, как гипотетическую модель для примера. Живет она себе на съемной квартире. Не пойми, где трудится, но плату за коммунальные услуги и налог на социальное иждивенчество в бюджет исправно вносит. Отсутствует частенько. Бывает, что и месяцами? Может, на заработки ездит? А почему бы и нет? Блондинка, а волосы красит в черный. Дура? Может, и нет. За границей часто бывает? Так и железный занавес давно снят, и в данном случае, какая-либо логика в моих рассуждениях отсутствует. С другой стороны, если задаться целью выяснить ее перемещения за рубежом, то стали бы они для меня актуальными тогда, когда бы она начала вести активную социальную деятельность, направленную не в то русло, или участвовать в политической жизни, скажем, самовыводженцем, или примкнула бы к какой-либо политической партии, или банально раскрутила бы свое собственное прибыльное дело. При этом, допустим, легально. Так что забудем о ней раз и навсегда, ибо в любой отрезок времени мне наплевать – есть у вас в управлении досье с ее фото или нет. А вот та барышня никому здесь не известна. Никому!

Аста пробормотала себе под нос «Придурок...» и отошла к окну. Полковника прямо-таки распирало красноречие, и он словно упивался своим пренебрежением к ней. Вообще-то, перед ней редко ставили задачи – решать головоломки. Она была идеальным исполнителем. Обычно ее подключали на тех этапах операции, когда было уже не до этого, когда наступал форс-мажор, когда такие сволочи, как полковник Хижук, находились в паре мгновений от провала. Но едва она подступала к своей части работы, как почти всегда сталкивалась с его очередным серьезным просчетом. Как с этим долгоиграющим делом Хромого. Просчет за просчетом. Тот мужчина был словно призрак и просто издевался над ними. Нет, только не над ней! У нее сжались кулаки.

– Как вы ее узнаете, если она никому неизвестна?

– Не переживай. Узнаю.

Хижук пожевал губу и твердо сказал Козлову:

– Я сохранию вам жизнь. Дам двое суток, чтобы покинуть страну, и даже предложу деньги.

А для начала вас перестанут бить. Согласны?

– Жизнь...

– И вознаграждение. Щедрое, между прочим.

Она оттянула уголок шторы и осмотрела окна многоэтажки на другой стороне улицы. Город спал и ничего не вызывало ее опасений, но она почему-то не могла избавиться от внезапно возникших тревожных мыслей о Хромом. В последние пару ночей особенно. И чем меньше времени оставалось до встречи с его связным, тем чаще эти размышления всплывали в мозгу. Прямо-таки лезли в него с пугающей настойчивостью. Она давно и часто задумывалась, как это все случится. В смысле, как будет выглядеть этот человек. Мордатый такой, с залысинами. Живот, как у Козлова, выдающихся размеров. Потное лицо, которое он чересчур часто вытирает платком, скорее от волнения, нежели по какой другой причине. Злые, бегающие глаза, маленький перекошенный рот... Она ненавидела эту внешность, этот портрет, созданный разумом, уже целых три года, так ни разу и не встретив его героя вживую, но не сомневалась, что он именно такой. Хитрый, осторожный, расчетливый... Стрелки призрачных часов, огромных, как кремлевские куранты, что периодически просыпались в ее голове с самого детства, сдвинулись с оглушительным щелчком. И Аста стиснула зубы, скосив взгляд на связанного толстяка – если она сейчас же не прикончит этого урода, то рехнется.

– Фотография есть, – едва слышно прошептал капитан. – Есть. С надписью на арабском.

Хижук чуть не подпрыгнул на месте. Вновь потер ладони, будто никак не мог их отогреть.

– Ну?

– В спальне. За потолком.

Через пять секунд навесной потолок был искромсан на лоскуты, а искомое было накрепко сжато между вспотевших ладоней полковника. Он прижал локтем пухлую папку, на которой стоял длинный регистрационный код. Посередине была крупная и ровная, как под линейку, надпись: «Сирийский сувенир». В самом верху красовался синий оттиск штампа «Совершенно секретно. Оперативный Аналитический Центр».

– Видите, все оказалось проще простого, – он довольно хмыкнул. – А вы своим упорством вынудили моих сотрудников показать свое мастерство, а у них жены, дети. Ночь. Сны плохие, а то и бессонница. Тревога камнем на сердце. Представляете, как сложно после таких стрессов им в семейной жизни приходится?

– У них богатый опыт, – Козлов поднял окровавленное лицо.

– Опыт богатый – практики маловато. Ну, не беда. Сейчас мы это исправим.

Когда крепкие руки вздернули ему голову вверх и заставили смотреть на эту почитательницу детективов с ледяным лицом, он, похоже, не соображал, что происходит. А она заглянула ему в открытый глаз и принялась навинчивать на ствол глушитель.

– Знаешь, что это?

Он промолчал, чувствуя, как немеют кончики пальцев, как закололо в сердце за сломанными ребрами, а затем... оно начало сбиваться с ритма... Он с тоскливым удовлетворением понял, что результатов грядущего этапа обработки полковнику не видать, как своих ушей.

– Не знаешь? Или просто не хочешь отвечать?

– Знаю, – безразлично ответил он.

– Что такое статус? – спросила она.

Капитан непонимающе наморщил лоб.

– Не знаю. Но слышал, что за него дают хорошие деньги.

– Деньги? – ее лицо осунулось. – Наверное, много?

Ресницы на левом глазу сомкнулись, натянулась кожа на скулах, а кончик языка скользнул по верхней губе. Козлов отвел глаз от ее застывшего лица и посмотрел на отверстие в глушителе. Затем встретился со взглядом Хижук.

Полковник выдержал паузу, точно хотел, чтобы капитан попросил его еще о чем-нибудь, а тот медленно поднял и опустил измазанный слюной и кровью подбородок. Из глаза выкатилась слеза. Кроме этого единственного признака, казалось, что он вообще не испытывает никаких эмоций.

– Много, – глухим голосом подтвердил он. – Больше, чем за этот мусор.

Он начал падать за миг до выстрела, а Хижук не успел остановить ее палец. Сорвал трясущимися руками застежку папки, лихорадочно пролистал первые страницы, взвыл и бросился обратно в спальню Козлова.

Спустя пару минут, когда Аста уже сидела в кресле, забросив ногу на ногу, и с хмурым выражением на лице вдыхала запах оружия, только что исторгнувшего смерть, полковник встал на пороге комнаты. Белое от ярости лицо и пустые руки свидетельствовали об очередной неудаче.

– У тебя горело? – с едва сдерживаемым бешенством поинтересовался он.

– Наверное, – она небрежно покачивала ступней. – Не люблю ждать.

– Здесь я решаю, сколько и кому ждать, тупая ты крашенная сука! – Хижук позеленел от гнева. – Ясно тебе?!

– В прошлый раз ваше желание блеснуть красноречием во время допроса оказалось безрезультатным, – она криво усмехнулась. – В этот раз, как я понимаю, оно снова закончилось громким пшиком?

– Что ты сказала? – он едва не отшатнулся от этой издевательской насмешки.

Она наклонилась, рассмотрела крохотные, похожие на бисер, влажные пятнышки на носке сапога и покачала головой.

– Вот, вляпалась же в какую-то мерзость. Не квартира, а свинарник.

– Психушка по тебе давно исстрадалась!

– Надо было всего лишь открыть папку сразу, – Аста мило улыбнулась. – Я права?

Он бросил на нее уничижительный взгляд. Беспомощно пытался понять, что же теперь делать. Ухватил подбородок в кулак и думал, думал, думал... Один раз ему даже показалось, что он что-то понял, открыл рот, попытался произнести мысль вслух, но тут же оборвал себя сам, потому что озарение ускользнуло в очередной раз. Ускользнуло, чтобы больше не возвращаться.

– Приберитесь тут! Вызовите, если еще кто нужен. Чтобы чисто мне все! – со злостью бросил он мужчинам и выверился на Асту: – Опять на электрошок захотела?!

Она вскочила и вытянулась.

– Нет, мой генерал!

Хижук сплюнул ей под ноги.

– Господи, какая же ты дрянь.

– Я красotka.

Она изобразила реверанс. Он толкнул ее обратно в кресло и шагнул к дверям, задирая ноги как журавль, чтобы переступить через тело Козлова

3

За грудиной шевельнулась боль. Потом снова и почти нечувствительно. Отдалась в плечо, потянулась к локтю, к немеющим пальцам. Генерал Кужель невольно потер грудь под толстым свитером. Подумал, что конец начинается тогда, когда ты вдруг выходишь от неожиданно ставшего разговорчивым терапевта и начинаешь прислушиваться к своему телу... Рановато как-то в пятьдесят четыре года... Хотя, кто его знает – может, и в самый раз.

Фотография. В старом альбоме под тонкой папиросной бумагой. На ней он еще совсем мальчишка, новенькие погоны, форма советника. Рядом с его официальной фотографией любительский снимок. В уголке надпись на арабском строгой типографской вязью. Улыбающаяся девушка в армейском берете. Ладонь на цевье автомата. Тонкий ободок серебряного колечка. В самом низу черная строчка пожелания от руки. На этом блеклом прямоугольнике картона она еще жива... Никто не виноват. Корректировщик ошибся. Ночь. С кем не бывает... сегодня у нее был бы день рождения...

Он сжал кулаки от бессильной злобы. На левой руке хрустнули костяшки. На правой – едва-едва сомкнулись пальцы. У двери раздался скрип. Водитель, устав ждать, начал ерзать на стуле. Генерал вскинул брови, не отрывая взгляда от альбома. Шорох прекратился. Сержант почувствовал его ярость, притих, даже дышать стал намного реже.

Он дотянулся до мобильного телефона и набрал номер. Долго вслушивался в вереницу гудков. Потом прослушал и безликую запись двузычного женского ответа. Затем раздраженно бросил телефон. Вставать из-за стола и отправляться на запланированную встречу Кужелю не хотелось. И не потому, что раздумал на рыбалку в такую погоду, хотя для щуки самый жор – просто навалилось какое-то гадкое предчувствие. С ним всегда происходило что-то неприятное в этот день, и начало происходить в тот самый момент, когда увидел на раме окна замерзшую бабочку... Зима в этом году пришла как никогда рано.

Однако, он лгал самому себе – все перевернулось три года назад, когда в одном из музеев Кракова ему протянули тщательно заклеенный пакет. Он тогда удивленно посмотрел на хорошо одетого мужчину с таким пустым и безразличным взглядом, что отчетливо увидел в его зрачках целую шеренгу подобных взглядов, воткнувшихся ему в лоб, грудь, живот... Взглядов, ответственных за расстрельный залп... Тот мужчина назвал странное имя или кличку... Еще он назвал имя женщины, от которой этот пакет не мог прийти никогда... Из загробного мира не пишут... Но тогда, подозрительный до мозга костей, он безоговорочно поверил этому человеку...

Генерал нащупал в кармане патрон от пистолета и ласково погладил теплую гильзу своего афганского талисмана. За столько лет патрон вытерся о ткань и пальцы до зеркального блеска, и он вдруг подумал, что в последнее время стал слишком часто просить поддержки у бездушного кусочка металла. Это тогда, в Афганистане, забившись в незаметную узкую щель в скале и приставив к виску пистолет погибшего комроты, он твердо знал, что кроме единственного патрона у него больше нет боевых товарищей. Всю ночь он держал дрожащий палец на спусковом крючке и тоскливо слушал, как перекликались моджахеды, разыскивая его. В тот раз не нашли, а сейчас, словно подобралась почти вплотную. Он еще раз потер патрон, вспомнив, как тогда прилетела поисковая группа, и он с трудом разогнул скрюченные пальцы, передернул затвор и поцеловал тусклую латунь последнего патрона, выпавшего на ладонь.

Кужель провел пальцем по пожелтевшей бумаге над фотографией. Сдвинуть тонкую преграду и прикоснуться к ее лицу он так и не смог, как будто боялся осквернить память о ней что ли. Взглянул за окно. Снаружи было так же мерзко, как у него внутри. Стылый ветер лениво ворошил листву, сгребаемую дворником, на зелень травы лег иней, с неба сеялась снежная крупа. И бабочка была на месте. И ноющая боль за грудиной никуда не исчезла. Он снова потер

свитер над сердцем. Та война никуда не делась. Каждое утро напоминала о себе. Скрытая, беспощадная, и она так долго продолжалась, что даже ветераны, подобные ему, давно от нее устали...

– Едем, товарищ генерал? – тихо спросил сержант и осторожно встал, опасаясь его гнева. – Все уже там, наверное. Машина прогрета. Снасти я проверил.

Кужель помрачнел и свел вместе брови. Кинул на него из-под насупленного лба тяжелый взгляд. С того самого момента, как месяц назад вышел из кабинета начальника военного госпиталя, его никто не торопил. Даже намеком. Не принято было подгонять того, кто готовился к смерти.

– Фляжку подай, – буркнул он. – Быстро.

– Так я же... – испуганно засуетился водитель. – Нельзя вам... врачи... они же запретили.

– Да! – рявкнул он. – Фляжка где?

Сержант как-то сокрушенно вздохнул и не стал настаивать. Откуда-то из-под полы камуфляжной куртки на свет была извлечена серебристая сверкающая посуда с вычурной резбой, не издавшая при этом ни единого всплеска, будучи наполненной коньяком под завязку. Генерал протянул к ней руку, привычным движением отвернул ребристую крышку, и опрокинул воронку горлышка себе в рот. Внутренности тотчас же согрело ароматные тепло, сердце подпрыгнуло, забилося ровно и гулко. Он потянулся к куртке.

– Иди. Я сейчас, – бросил сержанту.

Из ящика стола Кужель достал два конверта из плотной бумаги. Один тонкий и измятый – тот из Кракова, с которого все и началось. Второй – новенький и похрустывающий набитым нутром. С трудом затолкал их в карман. И только потом захлопнул альбом. Запер его в этот же ящик стола – до следующего ее дня рождения, которое он больше никогда не встретит.

Он вышел из подъезда следом за водителем. Открыл дверцу машины, оглянулся, подняв глаза к тому окну, из которого он пару минут назад смотрел на холодный камень города. Стекла сверкали примороженными каплями воды. На раме виднелось темное пятно. «Крылья, как цветная клякса», – неожиданно подумал он. Затем у него дернулась щека. Он видел, что и сержант-водитель, и офицеры из охраны, вцепившиеся мертвой хваткой в огромный зонт, не сводят с него глаз, стерегут каждое движение, чувствуют каждый вдох. Так получилось, что они не знали, какое «развлечение» предстоит Кужелю сегодня, но понимали, что неспроста у генерала уже который день ходят желваки на скулах и время от времени пальцы сжимаются в кулаки.

Кинув последний взгляд на окно рядом со своим, где за плотной тканью темной шторы – он это точно знал – стояла жена, которая после судебного приговора больше не выходила его провожать, генерал поставил ногу на подножку. Офицеры со щелчком сложили зонт. Оба молчаливые, настороженные. Один запрыгнул на первое сидение, второй юркнул в автомобиль сопровождения. Хлопнули дверцы. Он положил ладонь на поручень перед собой и кивнул в зеркало в салоне. Сержант ответил ему тем же и включил передачу. «Дворники» со скрипом смахнули очередную порцию ледяной мороси с лобового стекла. Машина личной охраны тронулась первой. Наверху колыхнулась тяжелая штора.

– В госпиталь, – приказал он и принялся вновь набирать номер аналитика Козлова.

Покачиваясь на широком сидении, генерал пытался просчитать капитана и его упорное молчание. Тот никогда не блистал скоростной работоспособностью, но свои обязанности выполнял с лихвой, вдумчиво и скрупулезно анализируя предоставленные данные, тихим и гнусавым голосом запрашивая очередное подтверждение у оперативников, казалось бы, малозначительным фактам. И если другие аналитики периодически получали должности, звания, квартиры и уходили на повышение, то капитан, страдающий одышкой от непомерной полноты, застарелого порока сердца и ужасно потеющий уже при десяти градусах тепла, так и продолжал сидеть в крохотном кабинете, в который пришел лейтенантом. За лишний вес,

стойкий запах пота, вечно измятые брюки и бородку клинышком в управлении за глаза его звали в лучшем случае жирным вонючим козлом, а те, кому не посчастливилось миновать его сотрудничества, проклинали все на свете и не стеснялись ни в виртуозных эпитетах, ни в общенной лексике.

Так случилось, что, страдая неисправимой медлительностью, Козлов мог похвастаться и тонкой интуицией, и каким-то фантастическим чутьем, педантично подводя любое порученное дело к логическому концу. Правда, со сроками у него никогда не складывалось. Частенько Кужель, доведенный до белого каления этими задержками, грозился выгнать неторопливого сотрудника ко всем чертям, но когда рапорт все-таки добирался до его стола, то даже к пунктуации в документе при всем желании невозможно было придраться. Он в очередной раз удивлялся и вместо выговора, выписывал нерасторопному аналитику скромную премию. На большее и сам капитан не думал претендовать: так и ковырялся в малозначительных сведениях и фотографиях, выдавая через пару месяцев такое, что на некоторое время становился для всех не простым вонючим козлом, а козлом уважаемым.

Вот неделю назад неторопливый феномен и выдал по краковскому пакету... сирийский сувенир... Анхар... жаль, что он не увидит, как главного комитетчика смешают с навозом, который он должен был с детства разгребать на скотном дворе вместе с лидером нации, а не калечить людские судьбы. С этого момента председатель и его свора не просто полетят под откос – рухнут, как взорванный бородами душманами мост.

Себе Кужель не льстил и не отделял свое существование от остальных – сам увяз по уши в этом дерьме. Пройдя все круги малолетнего и юношеского ада в окружении озлобленных собратьев по судьбе, генерал ни к кому не испытывал никакого сострадания. С самого начала понимал ведь, что чудеса на этой службе только в сказках бывают, а карабкался вверх, по-звериному чувствуя, когда, как и кому наступить на горло, а кому и плечо подставить. Карабкался так же, как лезут наверх мрази, подобные полковнику Хижуку. Но, наверное, помимо звериной составляющей, в его чутье осталось еще что-то, что позволило ему окончательно не зачерстветь и придавало сил: сначала в детдоме, а потом в Сирии, Анголе, Афгане, здесь... И еще появился тот курьер из прошлого, а вместе с ним появилась и та фотография в альбоме... Ему словно давали шанс сдохнуть по-человечески, а не по-собачьи. За кордоном давали, а здесь – нет. Даже сейчас свои же пытались подложить ему девочек; нанимали мастеров фотомонтажа, чтобы скинуть прессе его провокационное фото рядом с махровыми националистами или геями; любыми методами стремились дискредитировать, вывалить в грязи и максимально испортить жизнь.

Козлов молчал. Генерал раздраженно постукивал мобильником, включенным на автодозвон, по подлокотнику. Ему бы еще напоследок уточнить кое-что, услышать настоящее имя человека со странной кличкой «Хромой», и узнать, кем для него была его дочь...

– Анхар...

– Что? – не понял сержант, скосив глаз в зеркало.

– Прибавь!

– Есть прибавить!

Тяжелая машина рванулась вперед. Джип сопровождения тут же нагнал, уверенно пошел по краю полосы, включив сирену и стробоскопы. Сержант начал послушно сбавлять скорость, но только до следующего свободного участка трассы, когда Кужель, рассматривая дисплей молчававшего мобильного телефона, оторвал от него глаза и недовольно скривился. Он пока не опаздывал, но и не успевал так, чтобы прибыть первым и осмотреться.

Это был самый обыкновенный армейский госпиталь. Над главным корпусом хлопал на ветру промерзший флаг. Сосны, пожухлая трава под ними, скамейки, крашенные заборчики, ровный ряд припаркованных машин у сверкающих белизной бордюров. У крайней в длинном ряду скамеек переминался с ноги на ногу молодой мужчина. Он отвернул рукав на запястье,

бросил короткий, но внимательный взгляд на приближающегося Кужеля, прикоснулся к уху под спортивной шапочкой, шевельнул губами и неторопливо двинулся в сторону лесного массива.

На боковой аллее показалась странная процессия. Два человека с широченными плечами и физиономиями палачей сопровождали старика, похожего на сморщенного пигмея. Напоминающая борцов тяжеловесов, они шагали широко, но медлительно, чтобы маленький человечек, семенящий между их мощными фигурами, всегда оставался прикрыт. За десять шагов до скамейки старик поднял руку и двинулся дальше один.

– Франц Витольдович? – генерал одернул рыбацкую куртку и вопросительно приподнял бровь.

– В вашей службе не знают, как я выгляжу, господин Кужель? – усмехнулся тот. – Охотно вам не поверю.

– Присядем? – спросил он.

– Ну что ж, – старик, кряхтя, устроился на скамье. – Посидим, хотя в моем положении это уже и ни к чему. Что же вы место такое открытое выбрали? Снимут нас здесь на раз-два. Видео председателю на стол. Запись разговора. Выражение лиц и прочие пикантные подробности. А ведь до пенсии вам ого сколько.

Кужель криво усмехнулся. В других обстоятельствах эта встреча была бы его концом. Что тут скажешь: вся вертикаль под карательные функции заточена – от зеленого лейтенанта до самого трона. Но с некоторых пор ему были безразличны и председатель, и вездесущие сотрудники внутренней безопасности, и собственная жизнь. Никчемная жизнь, как сейчас ему казалось. Ведь она так и не побаловала его счастьем на всем тяжелом пути по служебной лестнице к генеральскому званию – скорее, была откровенно жестока с самого интерната, куда его определили еще ребенком.

– Пусть вас это не беспокоит, – мрачно сказал он.

– Почему? – тут же заинтересовался старик.

Он не ответил. Присел рядом и засунул пальцы в карман. Через пять минут Франц Витольдович смотрел на него во все глаза. Этот человек явно не шутил. Именно это напугало его до смерти, а не та хмурая уверенность и честность, которую собеседник распространял вокруг. При этом он не был похож на человека, чьим смыслом жизни была эта самая честность – наоборот, казалось, он шел наперекор одному ему понятным принципам. Уверенно шел, будто напролом, расталкивая, разбрасывая, расшвыривая все, что так тщательно создавал сам.

Маленький человечек нервно постукивал желтыми ногтями по зубам и непрерывно переводил блеклые глаза с лица генерала на два конверта. Они так и лежали с самого начала на гладком дереве скамьи. Простые конверты для деловых писем. Заиндевелившие с тепла, безобидные на первый взгляд, и которые тот достал из кармана: без марок, без подписей, без какого-либо адреса. Один из них был явно толще другого в несколько раз – там было то, предназначение чего старик не хотел бы и слышать. Второй, хотя и был гораздо тоньше первого, но также содержал в себе не менее ужасные для него вещи. И хотя его визави уже озвучил их содержимое, он по-прежнему не рисковал к ним прикоснуться.

– Я не могу ждать до бесконечности, – угрюмо сказал генерал, – да и желания больше нет. Определились, Франц Витольдович?

Старик медленно кивнул, не сводя глаз с конвертов – особенно с того, который был тоньше. Он все никак не мог поверить в происходящее – от человека из высшего эшелона современной госбезопасности он ожидал чего угодно. Однако, чтобы вот так, как сейчас...

– Я не успею, – проворчал он и добавил: – Сколько вам осталось?

– Мне все равно! – отрезал генерал. – Неделя, наверное. Две – вряд ли.

– У меня полгода. Может быть, месяцев семь, – тихо сказал он. – Вечность, если можно так считать в нашем случае.

– У меня этой вечности нет!

Старик пожевал губу и вздохнул, встретив холодный, пронизывающий насквозь взгляд собеседника. Такой же колючий, как этот леденящий ветер на аллее парка.

– Результат увидеть не обещаю. Сами понимаете.

Кужель встал и, не прощаясь, направился прочь.

Франц Витольдович смотрел ему вслед. Сотрудников советской закалки он презирал до зубовного скрежета, а сейчас презирал и молодежь – в систему стали брать в первую очередь тех, кто не умеет говорить, а только лает. А этому генералу, будто на пороге смерти вспомнившему давно забытые книги об офицерской чести, и в самом деле удалось его вычислить. И напугать удалось – до противной дрожи в коленях, до спазмов в животе и часто запрыгавшего сердца. Но одновременно удалось и озадачить. В его время могли не только сгноить в тюрьме за связь с иностранкой, а и прикончить, не раздумывая ни секунды. Он махнул своим телохранителям, которые тяжелой трусцой подбежали к нему и принялись озираться по сторонам, сжимая оружие в карманах.

– Машину! Аэропорт! Быстро! – он отчеканил каждое слово, сгреб конверты и затолкал их за отворот пальто.

4

Председатель комитета госбезопасности уперся коленом в брезент рыбацкого стульчика. Перехватил спиннинг половчее. Сбалансировал его в кисти. Затем на полпальца сдвинул хват.

– И какой же результат? – спросил он.

– Курьеры Гензера. Сирийский пакет и в самом деле существует в оригинале. Может, он и сейчас здесь. Однако, думаю, что пошел по кругу, – Хижук прикрыл ухо от летящей снежной крупы ладонью. – И его точно привезут во второй раз. Наверное, сам Хромой. Вопрос – кому в этот раз?

– Что ж, возможностей для этого ты своей самостоятельностью наворотил предостаточно. С лихвой, так сказать. Даже более чем. Узнал, кто он такой?

Он размахнулся и отправил блесну к полузатопленной коряге.

– Черт...

– Пока нет. Гензера попробуем взять в Дамаске. Если удастся, то сирийский след закроем.

Хижук попытался оправдаться, прекрасно понимая к чему тот клонит. За свою всю свою службу он только один раз проявил инициативу – расплачиваться за нее приходится уже три года. Как бы жизнью не пришлось расплатиться.

– Тебе хоть что-нибудь удалось?

Полковник натянул кепку глубже и произнес то, чего в данный момент председатель слышать бы не хотел:

– И так уже ради одного прозвища полдюжины трупов.

– Он в самом деле хромой?

– Не знаю. Пока не знаю.

– Тут ты, конечно, отличился. Трупы то свои!

Хижук помялся и буркнул:

– Мы из многих подобным образом доставали информацию.

– Подобным образом? – председатель указал подбородком в траву, где лежали две крупные шуки со сломанными хребтами. – Кужеля ты тоже так? Или кишка тонка?

– Придет и его очередь, – полковник опустил глаза и растер второе ухо. – Сломаю. Подобным образом.

– Ты? – на его лице на долю секунды появилась презрительная гримаса. – Он боевой офицер. Оперативник. Разведка. Спецназ. А ты... лакей!

Председатель убрал колено со стульчика, бросил спиннинг на землю и крикнул:

– Эй, кто там?! Блесну отцепите!

Затем повернулся к поникшему Хижуку. Тот стоял, втянув голову в плечи.

– Дело в том, – злым тоном произнес он, – что не стоит – никогда не стоит! – делать исключений. Иначе те законы, к которым они применены, становятся уже не законами, а так, в лучшем случае правилами, и они начинают обрастать такими исключениями, как ты; их становится все больше и больше, и уже не поймешь, где закон, а где те, кто его обходит. Ведь исключением стал не только ты – им стала эта сумасшедшая! Как ее там кличут? Аста? Капитан госбезопасности... Тьфу!

Он показал на бегущую к ним охрану.

– Утопить бы тебя прямо сейчас и дело с концом. И всю твою группу недоумков следом! Правда, в отличие от тебя, они хоть на курок жать умеют.

– За что? – поразился этой вспышке гнева Хижук. – За преданность?

– Ты – человек, который получил право выбивать секреты. Разве не может быть так, что ситуация выдумана от начала и до конца. Тобой лично и выдумана, чтобы получить настоящие

номера счетов, верные кодовые фразы и доступ к финансам. Наверное, каждый, кто побывал в твоих руках, сообщил свою часть информации? И как? Складывается целое?

Он приподнял хрупкую алюминиевую конструкцию, со злостью швырнул ее об землю, сжал кулаки и заорал в лицо подбежавшим офицерам из охраны:

– Оглохли?! Блесну достать!!!

Перепуганные лейтенанты принялись лихорадочно раздеваться. Председатель отошел на десяток шагов дальше от воды. Махнул полковнику. Тот посмотрел под ноги, поковырял твердую, как асфальт грязь носком ботинка и пнул примерзший комок.

– Вы же сами дали добро, – буркнул он.

– Этому «доброу» три года, – председатель выделил каждое слово. – Ты все это начал. Три года кормишь меня какими-то обрывками информации, а результата я и до смерти не дождусь. Не надейся – до твоей смерти.

– Я допросил всех, до кого дотянулся, сложил два и два и знаю, что есть только один человек с этой стороны границы, которому не надо было собирать информацию по крупницам. Генерал Кужель.

– Значит, все, что тебе осталось сделать – побыстрее разгрести эту кучу дерьма. С Кужелем уже все... С тобой... Поверь, у меня действительно нет желания устранять тебя при благоприятном исходе дела. Будешь уволен при реорганизации отдела. Получишь выходное пособие, пенсию и все сопутствующее ей.

– Я не думаю, что все закончится так плохо.

– Это ты о смерти?

– О курьерах. И о пенсии.

– В принципе – реально. Но, насколько я понял, курьеров больше не будет. Будет сам Хромой. Итак, кто он?

– Хоть убейте, не знаю.

– Убью, не переживай. Короче, фантазировать можно бесконечно?

Хижук промолчал. Председатель прищурил один глаз. Второй – выпуклый, весь в кровавых прожилках, проткнул в полковнике дыру.

– Ты совершенно не хочешь делать то, что от тебя требуется. Хочешь, чтобы созданную тобой же ситуацию вместо взялись исправлять другие. А так неправильно. И, между прочим, наводит только на одну мысль – ты водишь меня за нос. Очень профессионально, но тут, как говорится – «с кем поведешься...» и тому подобное.

Полковник втянул голову в воротник, хотя втягивать дальше уже было некуда, и сказал:

– Я исправлю сам. Постараюсь.

– У тебя неделя. Потом конец. Тебе, жене, детям... уж, чтоб наверняка, чтобы совсем никто... Короче, время пошло.

Хижук, конечно, осознавал, насколько он близок к старухе с косой, но не подозревал, что настолько. Однако, напомнил.

– В случае неудачи проблемы будут у многих. И не просто проблемы. В той папке не только мое имя – из того сирийского дерьма торчит еще пара ушей. Из самого верха.

– Так найди курьера и все. За кордоном найди. Нечего тут родную землю чужими трупами пачкать.

Председатель отвернулся, рассматривая бултыхающего в ледяной воде лейтенанта. Всунул руки глубоко в карманы. Высокий, крепкий, твердо стоял в шаге от полковника на вытоптанной в траве черной проплешине. Неожиданно для самого себя Хижук моргнул и уставился ему в спину.

– А если я не стану его искать? – тихо спросил он, дрожа от собственной наглости, приправленной липким страхом.

– И черт с тобой... – председатель даже не обернулся. – Я уже устал от тебя настолько, что мечтаю только об одном. Пусть все это закончится хоть как-нибудь. Закончится и все. А для тебя все закончится сейчас.

– Я понял... – сказал полковник после непродолжительной паузы. – Я постараюсь... Мы постараемся, но... если что-то не получится, не обессудьте...

– Неправильный подход. Либо делаешь – либо конец. Только так. Потому что так и должно быть. Чистота рядов, знаешь ли.

Аста не была тупой крашеной сукой ни на кончик мизинца младенца. Если эта бездарь, полковник Хижук, не стесняясь подчиненных, называл ее так, то только потому, что процесс мышления никогда не отображался на ее гладком и чистом от морщин лбу. Впрочем, недалеко ее считало абсолютное большинство мужчин в погонах и без. Но, как бы там ни было, рядом с колонией тараканов, змеиным гнездом и множеством других странностей, природа поселила в ее очаровательную головку острый и проницательный ум. За яркой внешностью изящной блондинки скрывался настоящий компьютер, способный за короткое время решать сложнейшие задачи. И личный блокнот капитана Козлова, заполненный бессмысленным набором сведений и цифр, через несколько часов анализа предстал перед ней огромной кучей важной информации, которую срочно требовалось систематизировать. Однако, в первую очередь, ей надо было кое-что проверить.

Теперь она стояла у новостройки-свечки, рассматривала ее темные окна и ступени подъезда, припорошенные девственно чистым снежком. Судя по схеме для новоселов, приколотой на железной двери, квартира майора Курковича располагалась на двенадцатом этаже и выходила окнами на другую сторону. Она удовлетворенно кивнула сама себе и прижала пальцем кнопки на домофоне.

Майор открыл ей дверь голый по пояс.

– Салют, – он потянулся губами к ее щеке.

– Стоять! – она остановила его поднятой ладонью. – Прибереги телячьи нежности для жены.

– Один, – он хохотнул. – Наша служба и жены несовместимы. Не выдерживают они.

– Тогда для шлюх. Они выносливые.

– Злая ты на язык.

– Я на службе.

– А-а-а... – протянул он и поиграл мускулами. – С нетерпением жду твоих выходных. Или, может, сейчас? Вон, вся в снегу. Замерзла?

– Я не сошла с ума, чтобы увидеть тебя во второй раз.

– Проходи, – он ногой распахнул дверь.

– По-спартански живешь, – слегка удивилась она, расстегивая пальто.

– Недавно переехал.

Аста встала посреди комнаты, всунула руки в карманы и осмотрелась: тахта, пару стульев, картина на стене и компьютерный стол. Майор уселся в кресло у монитора и окинул жадным взглядом ее фигуру.

– А у тебя мужик давно был? Ну, там... – глаза остановились на ее груди, – для секса?

Ее тонкая бровь круто изогнулась. От мужчин она не шарахалась – любила их, как и каждая нормальная женщина. Но, как-то серьезно обожглась пару раз – пришлось настрадаться. Да так, что она даже боялась стать гипертоником, потому что от нестерпимой обиды жутко болела голова, слабели ноги и к горлу подкатывала противная тошнота. Пережила, размазывая ночами сопли и слезы по подушке, и начала их игнорировать. Сердцем хотела, телом, а вот разумом отметала эти желания напрочь. Тем более зная, какие эротические извращения засылались в ее

адрес коллегами – заслушаешься, как пением соловья. Но и на зеркало нечего пенять... Сама выбрала этот путь – самой и неси свой крест до конца.

– Если бы ты хоть на секунду направил свои мозги в нужную сторону, то мой визит закончился бы быстрее, – сказала она.

– Оставайся, – колесики кресла скрипнули.

Он резко крутнулся на стуле. По-медвежьему крепко сжал ее ягодицы и дернул к себе.

– Да плюнь ты на работу, Снегурочка. Извелась же вся. Как только мне удастся тебя расшевелить...

Ствол пистолета ткнулся ему в скулу.

– Руки убрал, Морозко! – прошипела она.

Он замер на миг, судорожно сглотнул и осторожно положил ладони на колени.

– Не знаю... Мне показалось, что... Да брось, забудем... Глупость какая-то получилась...

– Отчего же... – Аста прищурилась. – В какой момент ты решил, что мне нужен мужчина. Тебе, наверное, много гадостей обо мне наговорили?

– Нет, – ответил он и сразу понял, что от этого короткого слова за километр несет фальшью. Но все равно повторил: – Нет, конечно.

– Хорошо, – она отступила на три шага и присела на краешек тахты у стены. – Нет так нет. Брось-ка мне свой телефон. Разблокированный.

Ствол и переносицу майора соединяла одна линия. Он опустил глаза и отвернулся к монитору. Поерзал на стуле, положил пальцы одной руки на клавиатуру, зачем-то провел другой ладонью по столу.

– Я жду! – прикрикнула она.

– Что ты там хочешь найти? – он пожал плечами. – Ладно, держи, поиграйся.

Когда мобильник оказался у нее, Аста пролистала историю вызовов. Нахмурилась, разглядывая профиль майора и выстукивая ногтями по дисплею. Через минуту достала свой телефон.

– Шрам, – спокойно сказала она, – запоминай адрес.

– У меня тут не проходной двор! – взвился майор.

– С места не двигаться!

– Сдурела?!

– Теперь можешь начинать бояться, – сказала она, покачивая стволом.

Куркович ухмыльнулся.

– Мне и так страшно. Правда, непонятно от чего. Если ты мне пояснишь, в чем дело, то я, пожалуй, соглашусь бояться более осознанно и качественно.

Он до глубины души был поражен ее яростью. Но, зная, как о ней говорят в управлении за глаза, рисковать не хотел – перегнуть палку в разговоре с этой особой было легче легкого, а ситуация, в которой он сейчас находился, была просто из ряда вон. Короче говоря, страшно ему было до чертиков, но тренированная психика мгновенно мобилизовалась. Он хотел было спросить, что ей в самом деле надо, но Аста взмахом руки не дала ему открыть рот.

– Не мешай. Придет время – спросишь.

Она снова думала о Хромом, об этом майоре и покойнике Козлове. Телефон Курковича в его блокноте не был чем-то странным. Странным было то, что в элементарном шифре аналитика, из которого выплыли цифры его номера, он стоял между двумя строчками абонентов в Сирии.

– Я сейчас начну говорить прописные истины, – начала она, – но боюсь, что тебе не дано понять ни слова из того, что я скажу.

– Отчего же. Я тебя выслушаю.

– Я тоже. Еще раз, – она умолкла и разглядывала капельки пота на его плечах.

Казалось, напряженность между ними на некоторое время пропала. Майор тоже молчал и с бешеной скоростью размышлял, куда бы сейчас направить разговор, чтобы вести его тоном помягче и в то же время максимально информативно, но тишина была неожиданно нарушена вопросом:

– Ты моешься?

Она наклонила голову на плечо и пристально посмотрела ему в глаза. Куркович окрысился. Вопрос был задан явно неспроста, но в ответ пришлось кивнуть.

– Каждый день.

– Так почему в этой комнате так воняет козлом? То есть, капитаном Козловым из аналитического отдела?

Отвечать ему было незачем. Вопрос был наполовину риторическим, наполовину издевательским. Оставалось только сопеть, раздувая в бессильной злобе ноздри, гонять по скулам желваки, скрипеть зубами и жалеть. Жалеть, что не пристукнул ее сразу у двери!

– А чего ты так напрягся? – усмехнулась она. – У тебя есть какие-то тайны?

– Догадайся, – он посмотрел на нее исподлобья.

– Врать мне бессмысленно. Я жду откровений, и от этого много чего будет зависеть.

– Ладно, поиграем по твоим правилам, – нехотя пробурчал он. – Был он тут. Не вдвоем со своим брюхом, само собой – по «Skype» общались.

– По службе? На личном компьютере? – она показала глазами на монитор.

– Ну извини, – он развел руками и подмигнул. – Во внеслужебное время и по своим личным вопросам.

– Я бы хотела увидеть историю этого общения.

– Личное это, понимаешь, личное, – он произнес последнее слово по буквам.

Она, казалось, и не собиралась настаивать. А Куркович подумал – продолжать играть с ней, или вспомнить, что у него свободные руки, встать и врезать ей между глаз? Силы только рассчитать, чтобы непоправимо не сломать что-нибудь важное для здоровья. Никаким рапортом потом не отделаешься, если эту красотку инвалидом сделаешь – все-таки бывший десантник. Плевать, что у нее оружие. И не с такими справлялся.

Аста вздохнула, после чего выдержала довольно длинную паузу и сказала:

– Заставлю.

– Меня? Заставить? – он хмыкнул. – Каким же, интересно, образом?

– А вот таким, – она передернула затвор. – Поможет?

– Наверное, – машинально ответил он. – Боевиков насмотрелась? Чего тебе в самом деле надо?

– Козлов.

– Да на кой тебе сдался этот вонючий кусок дерьма? – рявкнул он.

– Тебя вот хочу спросить, – она погладила покрывало тахты ладонью. – Может, обмолвился, что именно изменилось в его жизни. Что-то, потребовавшее денег. Очень много денег.

Куркович не понимал, к чему она клонит, но спросил:

– Сколько?

– Миллионы.

– Долларов? – уточнил он.

– Точно, – она кивнула.

Майор недоуменно вскинул брови. Разговор пошел совсем не о том, и свернул совсем не туда, куда он ожидал, и ни о каком Хромом речи пока не шло.

– Ты в своем уме? – спросил он. – Как он смог бы такое проверить?

– Возможности у него были, не сомневайся, – она прищелкнула языком, – большие возможности. Достаточно просто кое-что кое-кому предложить.

– Да на такие деньги остров на Мальдивах можно купить! – он подозрительно покосился на нее. – Представить, конечно, можно все, что угодно. Разбил чужую, дорогущую машину – раз. Надо на образование и обучение отпрысков – два. Кто-то в семье болен неизлечимой болезнью – три. Только вот тут в моей логике проблема вырисовывается – у Козлова ни детей, ни родственников, ни машины. Ни-че-го! Усекла?

– Пусть так... Но тогда по какой причине ваши пути пересеклись? Ни с того ни с сего?

– Мало ли, – он снова подмигнул. – Мы стали друзьями. А друзья друг за друга горой.

– У тебя тик?

– Так, настроение хорошее.

– Сейчас я тебе его испорчу? Поведаю о вашей дружбе. И о разработке по Хромому расскажу.

Куркович замер. Выстучал костяшками пальцев по столешнице какую-то мелодию. Повернулся.

– Начинай.

Он вслушивался в ее разглагольствования внимательно. И вообще не понимал свою гостью – прыгает с пятого на десятое. Не информация, а какой-то бред. Он пытался проникнуться ее речью, честно искал в ней некий недоступный ему смысл, пока неожиданно не понял, что в квартире есть еще кто-то. Вот только что скрипнула дощечка паркета в прихожей – этот скрип он ни с чем не мог бы спутать, каждый день слышал, сроднился с ним за две недели в новой квартире. Он выругался про себя. Аста элементарно заговорила ему зубы, а он и забыл, что она звонила этой обезьяне – старлею Шрамову. Но больше из коридора не донеслось ни шороха, ни сдерживаемого дыхания.

Оба посмотрели на дверь, и она повторила:

– Так Козлов получил информацию по Хромому?

– Не интимно же мы общались.

– Он получил именно то, что хотел?

– Запрос отправь. Сочтет руководство, что я должен с тобой поделиться – милости просим. Такое впечатление, что он эту разработку у тебя украл.

– Может быть, и украл. А почему бы нет? Бывает и такое у предателей. Давай, выкладывай.

– Козлов – Иуда? Да пошла ты! – выплюнул майор.

– То есть? – неподдельно удивилась она.

– Как хочешь, так и понимай, – он покачал головой и сложил руки на груди. – Я ведь принял твоё вранье про миллионы – вот и ты попробуй понять без моей помощи, что он хотел.

Широченные плечи Шрамова заполнили дверной проем, как створка амбарных ворот. Огромная лапища держала направленный на Курковича пистолет. Аста убрала свое оружие, и у нее в руке появился маленький шприц-тюбик. Темные глаза скрылись за ресницами.

– Страшно?

– Хватит изображать здесь идиотов! Говорите, что вам надо!

Она достала сигареты, повертела пачку в руках, вздохнула и спрятала обратно. Старлей казался неподвижным, но – полшага в минуту – надвигался на майора.

– Я уже сказала. Время пошло. Две минуты. Жаль, но бедолага Козлов умер вчера.

– Так от меня тогда чего надо? – уже без крика, почти жалобно спросил Куркович.

– Все предельно просто. Рассказываешь, что узнал о Хромом – мы уходим. Молчишь – уходишь ты, – она мотнула головой на окно.

– Сбрендила? Считай, что твоя служба в эту минуту закончилась.

– Раздевайся. Догола!

Он присвистнул и скрутил для нее кукиш.

– Зря, – она сморщила нос и взглянула на Шрамова. – Смотри, какой герой. Наверное, тоже о присяге слышал.

– Валите отсюда оба, пока ходить можете. Вот вам, а не разговор! – майор показал каждому из них неприличный жест.

– Он не разработку мою украл, – криво улыбнулась она. – Любовь, можно сказать. Это, знаешь ли, хуже, чем то, когда тебя бросают жены. Три года псу под хвост.

– Ты... – начал было Куркович.

Он даже привстал с кресла, но говорить она ему не дала, сама повысила голос.

– Поэтому я сейчас здесь. Чтобы ты, майор, понял – каждому дорога именно его любовь. Та, которая заполняет его доверху. Правда, жить с этим пониманием ты будешь недолго.

И тут он осознал, что полностью потерял нить происходящего. Аста не нуждалась ни в его признаниях, ни в показаниях кого-либо другого. Она просто пришла и должна проверить схему – есть утечка информации с его стороны по этой разработке, или нет? Стоит ли копать дальше, или можно на нем остановиться? И его, опытного оперативника Курковича, она из этой схемы уже вычеркнула.

Шрамов навалился на него всем своим неподъемным весом. Несмотря на размеры, эта туша оказалась проворнее белки. Старлей дернул плечом, заблокировав стремительный рубящий удар в горло; крикнул, пошатнувшись после тяжелого удара в печень; поймал его колено, через миг сбил с ног подсечкой и взгромоздился на спину, выкручивая локтевой сустав болевым приемом.

– Эй?

Аста присела рядом на корточки и сдернула колпачок со шприца. Майор вывернул голову из захвата, разинул рот для крика, и она вонзила иглу ему в небо. Куркович скрипнул зубами. Сейчас они узнают все. «Прикончат ведь, – пронеслось в мутнеющем сознании. – Хоть бы соседи всполошились и наряд вызвали».

– Тащи его на стул.

Он знал, что соседей в новом с иголки доме по ночам не было...

Куркович ронял слезы на клавиатуру, уткнувшись носом в стол. Аста встала у него за спиной, прижав ствол пистолета к его затылку.

– Тихо, котик, тихо. Все закончилось. Включи какой-нибудь фильм. Мне про любовь нравится.

Она поскребла ногтями свободной руки его шею. Майор всхлипнул, поежился и покорно потянулся к «мышке». Тогда она разжала пальцы и изо всех сил приложила рукоятку пистолета его в висок. Поймала падающее тело за волосы и ударила еще раз – просто так, от брезгливости к этому слонтяю, кичившемуся накачанным телом.

– Объяснишь? – Шрамов почесал затылок и достал из кармана пластиковую бутылку.

– Работу он проделал большую, но назвать ее настоящей разработкой в полном смысле этого слова я не могу при всем желании. Использовал базовые знания, которые даст любой профильный учебник, набросал схему...

Он вливал в рот майору водку.

– Ты простыми словами.

– Утечки нет, Шрам, – она усмехнулась.

– Может, нам не надо было приходить?

– Может и так.

Старлей укоризненно посмотрел на Асту и скорбно вздохнул.

– Неприятности мне не нужны, – буркнул он. – Сама их утрясать будешь. Я пас.

Она спрятала пистолет, продела пуговицы в петли, тщательно расправила английский воротник пальто и тихо пропела:

– Оставь сомнения и споры, на дыбу вешать – нет греха...

– Что?

– Такова суровая проза жизни.

Он вновь поскреб затылок и скорчил точно такую же гримасу, как полковник Хижук сутки назад.

– Сдвинулась – и к бабке не ходи...

– Да уж... Мужики называется – у одного тик, у второго вши.

– Чего?!

– Ничего. Надо подтащить его ближе к окну. Боюсь, что сам он не сможет идти.

– Зачем ты его заставила раздеться? Догола! Вообще-то, трусы у него веселенькие.

– Хочешь, себе заberi.

– Иди ты. А серьезно?

– Хотела проверить одну догадку.

– Какую?

– Не по этой ли причине от него уходили жены.

Она показала подбородком между ног Курковича. Шрамов вытаращился на нее, потянул пятерню к затылку, но тут же отдернул руку.

– И какой вывод?

– Двойкий. Или я права, или страх внес свои коррективы в чистоту эксперимента.

– Капец... – протянул он и просунул ладони подмышки майора. – Я тебя предупредил.

Сама с полковником разбирайся. Мне то что? Ты старшая.

Хлопнула створка окна.

– Смотри, головой вниз, а то я наследила немного.

– Там карниз.

– Ну так брось посильнее.

Она глянула в монитор, как в зеркало, и поправила шарф.

5

Аста молчала, разглядывая паркет под ногами. Полковник Хижук выстукивал костяшками по подоконнику какой-то мотив и смотрел в окно. Потом встал, принялся шагать по кабинету, размахивая руками и бормоча что-то под нос. Наконец он резко остановился перед ней, одернул китель и злобно спросил:

– Смысл в этом был? Хоть какой-то?

– Был, – твердо ответила она. – Он все знал. Капитан поделился.

– Хорошо... – процедил Хижук. – Не прокололась?

– Чисто русский вариант. Водка, белая горячка... – Аста покрутила пуговицу пальто. – Труссы пузырями, а по улице ходил – бабы засматривались... Дорого одевался...

– А что это ты сама на него засмотрелась?

– Так...

– И ты не бомжом выглядишь. Хоть одна отечественная вещь на тебе есть? Китайского хлама тоже нет!

– Работа позволяет.

– Работа... Твою самостоятельность на этом поприще за пятилетку не разгрести.

Хижук подхватил со стола блокнот Козлова и подбросил его на ладони.

– Кем ты себя возомнила?

– Я умею. Училась.

– А я ведь приказывал! – он смотрел на нее зверем. – Если бы я знал, какой мощный пласт своей инициативы ты скрываешь от меня, то...

– Что? – Аста продолжала хмуро смотреть в пол.

– А то, – Хижук изобразил жест висельника. – Стоит тут, благоухает и скалится. Забыла, где твое место? Напомнить?

– Прежде, чем вы снова начнете на меня орать, напомню я – у меня всегда при себе оружие. И не надо нравоучений перед поездкой. Критические дни, знаете ли, и все такое. Понимаете, товарищ полковник? – она постаралась, чтобы голос прозвучал бесстрастно, хотя все внутри сжалось и сердце бешено запрыгало в груди.

Хижук быстро отступил на несколько шагов – от неожиданного накатившегося страха забыл, что с оружием сюда охрана бы никого не пропустила. Крякнул и даже не рискнул по привычке ее обозвать. Подумал, что следует пока попридержаться эпитеты, а то еще ненароком накроит из него эта мразь заготовок по собственным лекалам. Женские дни у нее, видите ли. С некоторых пор это вынужденное партнерство стало его напрягать, и он будет счастлив, когда все закончится и Асту спустят в унитаз. Давно надо было прислушаться к прозрачному намеку председателя госбезопасности.

– Язык прикуси, – буркнул он.

– Слушаюсь, – она вытянулась.

Полковник подозрительно посмотрел на нее. «Интересно, – прикинул он, – а что у нее в голове делается на самом деле?».

– Ладно, – Хижук повернулся к ней спиной. – Смотри мне, а то совсем берега в субординации потеряла. Пароль не забудь. И аналитика я тебе предоставлю. Пообщаетесь. Все равно тебе в поезде делать нечего. О деле думай. Наградами от него для всех нас пахнет, как от подвига.

Она поморщилась – ей совсем не хотелось совершить подвиг. Героизм никогда не тревожил ее своим зудом, и где-то в дальнем уголке мозга, в той зоне, которая называется «совесть», внезапно возникло острое, всепоглощающее желание бросить все и исчезнуть из этой страны.

Она отмахнулась от этой мысли, как от мокрого снега за стеклом. Затем хлопнула дверью, так и не сказав ни слова.

Полковник потянулся к телефону.

– Сука! – он со всей силы врезал кулаком по столу и принялся набирать номер. – Я тебе припомню.... Критические дни...

«Курьеры, курьеры, курьеры...» выстукивали колеса вагона. Аста нарисовала на листе блокнота вереницу кругов. Вписала в каждый имя. Проставила стрелки там, где связь явно прослеживалась. Задумалась, просто черкая карандашом вопросительные знаки вокруг кружочка, обозначенного «Хромой». Потом схема на бумаге сыграла роль снотворного. Но она еще долго ворочалась, держа этот листок в памяти; сопоставляла, как работают сотрудники других спецслужб; вспоминала старичка-психолога на курсах, который пытался раскрепостить ее сознание, и который раскрывал перед ней философию ее профессии. Она даже видела титульный лист его диссертации, но из двух десятков слов не понимала и половины, поэтому твердо верила в его компетентность. Этот сухонький доктор наук учил ее думать, как сапер, чувствовать, как тонкая жилка растяжки, и жить, будто в голове тикает таймер. Второй таймер для нее был лишним – избавиться бы от своих часов в голове. Но в одном Аста была категорически с ним не согласна – она до смерти боялась привыкнуть испытывать оргазм от убийства.

В кармане пальто над головой требовательно загудел виброзвонок. Она протянула руку к телефону и взглянула на высветившийся номер – от нее требовали отчет. Сбросила звонок, положила телефон на столик и вновь улеглась. Спала она мало – хорошо, если часа по четыре, иногда теряя представление о дне и ночи. Могла она иногда позволить себе подремать хоть несколько часов, или не могла? Решила, что могла...

Мобильный завибрировал неожиданно звонко и вырвал ее из полудремы. Она вздрогнула и лихорадочно принялась вспоминать, в каком кармане телефон. Потом увидела его на столике. Протянула руку. Затем бросила взгляд за стекло между занавесками – снег сменился дождем, а поезд замедлял ход, втягиваясь на станцию. Она угрюмо всмотрелась в мутную кисею водяной взвеси между станционными фонарями. Спать хотелось до одури, и она битый час искала удобное положение между подушек, пока не задремала, а тут этот звонок.

– Слушаю.

– Форт-Бойярд.

Она выдохнула что-то невнятное в ответ, и тут же проснулась окончательно. Кодовая фраза не требовала отзыва.

– Что выяснили?

– Значащей информации немного...

Голос прервался. В динамике шипело и потрескивало. Она соображала, как бы надежнее прижать телефон к уху, чтобы не менять удобное положение спины.

– Эй, почему заминка? – буркнула она.

– Технические неувязки... – незнакомый собеседник чертыхнулся. – Зашифрованный канал. Что вас интересует конкретно?

– Все. В основном – перемещения, адреса и контакты.

– Сколько у меня времени?

– Три, может быть, четыре часа.

– Я и сам шутник, но этого категорически недостаточно. Могу предоставить через две недели, минимум полторы. Бумаг в этой разработке вагон и маленькая тележка.

– Я слишком долго действую вслепую, чтобы ждать неделями. Ответ отрицательный.

Ей показалось, что неизвестный сотрудник из управления нахмурил лоб, выругался и послал ее подальше. Но он помолчал несколько секунд и сказал:

– Информация будет далеко неполной. Практически, ее нет, от слова совсем.

– Давайте все, что знаете сами, – недовольно сказала она и зевнула. – Все, что есть. Через три часа остальное.

– С ума сойти, – заворчал он. – Навскидку – есть одна зацепка... Давно это было... По агентурному каналу в Сирии.

– Давно – не считается. Но выкладывайте.

– Кайра.

Аста тут же вспомнила эту молодую женщину со странной прической и татуированным скорпионом над левой ключицей. И этой даме было наплевать на всех и каждого в лагере подготовки боевиков «Хезболлах» в Ливане. «Ха! – сказала она тогда и отсалютовала бутылкой. – Я тебя помню, но не уважаю. Ты должна была сама прикончить мистера Тайсона и сплестись на его трупе». Ей даже сошло с рук убийство французского военного советника, что попытался ее изнасиловать. Кайра имела вес – это точно. И, оказывается, она могла быть на короткой ноге с Хромым.

Она хмыкнула и подумала, что на двести процентов была права, когда год назад заявила Хижуку, что начинать надо было сразу с Ближнего Востока. Но ее никогда не слушали. Никто! И полковник уперся. Интересно, что у него в Европе? Любовница, деньги, хоромы на побережье? Или он так боится сунуть нос в страну, где годами не прекращается война? Скорее, последнее.

– Она связана с Бейрутом. Я как раз недавно пытался проанализировать график ее перемещений.

– И что?

– Я не готов сделать вывод, – сказал он, – но там, где она появляется, обязательно кто-то сохнет. Обязательно. Она, как ангел смерти. И с ней что-то нечисто.

– Не надо оккультизма. Конкретнее.

– Никакой системы в ее маршрутах нет. Но есть один городишко, где она бывает чаще всего. Вот там после ее визита никто еще не умирал.

– Приезжает к мужчине?

– К врачу.

– У Кайры проблемы со здоровьем? Не верю.

– Вы ее знаете лично?

– Знакома, – после непродолжительного раздумья сказала она, – но никак не ожидала услышать упоминание о ней в связке с Хромым.

– Зачем я тогда все это говорю? – голос в телефоне прозвучал заинтересованно и ошарашено одновременно.

– Вы не встречали мужчину врача?

– При чем здесь это?

Аста, казалось, не услышала вопрос. Под сердцем кольнула застарелая обида, и она стиснула пальцы на подушке.

– Среди врачей они тоже есть, – тихо сказала она. – Поверьте, редкостные сволочи. Так что с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.